

УДК 821.111-31
doi 10.17072/2304-909X-2025-21-48-60

**«НЕГЕРОИЧЕСКИЙ ГЕРОЙ»
В РОМАНЕ ИЭНА МАКЬЮЭНА «УПРАЖНЕНИЯ»:
ДИАЛЕКТИКА УСПЕХА И ПОРАЖЕНИЯ?**

Борис Михайлович Проскурнин

д. филол. н., профессор кафедры мировой литературы и культуры
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, Россия, Пермь, ул. Букирева, 15
bproskurnin@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>
Статья поступила в редакцию: 10.11.2025

В статье в аспекте проблемы героя анализируется роман Иэн Макьюэна «Упражнения» (*Lessons*, 2022), который трактуется как жанровый синтез романа биографии, романа воспитания, романа испытания, романа-лирической исповеди героя, представителя британского послевоенного поколения, поданной при помощи несобственно-прямой речи, что позволяет одновременно ретроспективно и интроспективно погрузить читателя в процесс самопознания и самооценки героя с сохранением авторской иронической дистанции к нему. Демонстрируется, насколько своеобразно писатель переплетает время биографическое, частное время героя и время историческое, эпохальное дыхание XX века. Показывается, как оригинально сюжетно-повествовательно автор демонстрирует диалектику героического и негероического как одну из основополагающих характеристик жизни и судьбы послевоенного поколения.

Ключевые слова: литературный герой, современный британский роман, Иэн Макьюэн, биографическое время, историческое время.

В 2022 г. один из самых известных британских писателей Иэн Макьюэн (*Ian McEwan*, 1948 г.р.) опубликовал роман «Упражнения» (*Lessons*). Перед нами предстало практически без привычных для писателя экспериментов либо в содержании, либо в форме, добротное, совершенное в духе английской социо-психологической классики XIX – XX вв. – Ч. Диккенса, С. Батлера, И. Во и др. – повествование, одновременно эпически развернутое, лирически обнажённое и с глубинной иронией подающее сложно организованный интроспективно-ретроспективный рассказ о жизни героя от его детства до старости. Поскольку перед нами практически биографический роман, то разговор о герое

произведения, его содержательной наполненности, сюжетно-повествовательной и жанровой функциях совершенно закономерен.

Однако постмодернистские времена несколько «отвадили» литературную науку от разговора о герое литературного произведения, как совершенно справедливо пишет Н. А. Литвиненко. Литературовед полагает, что «разнообразные направления и жанры литературы ушедшего века неоднократно провозглашали свой отказ от автора и от героя», сделав разговор о последнем несовременным и неуместным; «герой и его специфика, — пишет исследователь, — отбрасываются в область устаревшего — мнимого — знания, как составляющая неких социологических или ненаучных, школьнических подходов» [Литвиненко 2016: 28]. Однако такой постановкой вопроса по сути зачеркивается весь смысл литературы как словесно-образного освоения взаимоотношений *мира* и *человека* как, по М. Горькому, своеобразного, выстроенного на своей эстетической основе «человековедения», когда литературный герой и есть «образ человека в литературе» [Тамарченко 2001: 248]. Неслучайно актуальной и полемично заостренной, например, выглядит дискуссия отечественных и зарубежных литературоведов, историков и социологов в Южном Федеральном университете, под названием «О герое своего времени, герое вне времени и герое на все времена», о которой интересно пишет О. А. Джумайло [Джумайло 2019]. На наш взгляд, анализируемый роман с его интроспективно-ретроспективными сюжетом и повествованием о жизни человека своего времени предполагает необходимость поверки идеально-художественной доминанты на оселке проблемы героя.

Трудно не обратить внимание на то, что в дословном переводе название романа звучит как «Уроки». С точки зрения содержания — это рассказ, но не от первого лица, а в форме несобственно-прямой речи, об осмыслинении главным героем, из перспективы которого организовано повествование, уроков жизни. Повествование движется одновременно по жизни героя (доминантно) и по вектору мировой истории от послевоенного времени до наших дней; при этом если иметь в виду пересказанную героем историю жизни его родителей и родителей его жены Алисы, сбежавшей от него ради карьеры писательницы и оставившей его с семимесячным сыном, то отсчет начала повествования надо вести от довоенного времени и практически до года выхода романа в свет. История частной жизни Роланда Бейнса и рассказ о событиях всемирной истории XX в. сюжетно и повествовательно «организованы» не хронологически линейно, а причудливо ассоциативно и по принципу «что, когда и как вспомнилось» герою. Обратим внимание на то, что сам герой называет свои воспоминания «мозаикой» [Макьюэн 2024: 184],

[McEwan 2022: 192], и при этом, в отличие от идеи неизбежной «дискретности истории» (см. [Фуко 1996]), с которой Макьюэн нередко «играл», о чем пишет Н.Л. Потанина (см. [Потанина 2024: 358–360]), непрерывность линии жизни героя и кантиленность его ретроспекции обеспечивают в этом романе ощущение большой истории как целостности. Примечательно также, что автор, а вернее, его герой, характеризуя манеру письма Алисы-писательницы как «солипсически-ассоциативную» [Макьюэн 2024: 275]¹, на самом деле имеет в виду способ анализа-реконструкции героем-рефрактором собственной жизни. В этом отношении Макьюэн вписывается в тенденцию романного искусства XX–XXI вв., отмеченную в свое время отечественными литературоведами: «тенденцию замыкаться в интимном мире переживаний человека» [Рымарев 1985: 129] и организовывать романное повествование таким образом, что главным героем по сути «становится не личность, а сознание» [Соловьева 1996: 309].

В «Упражнениях» Макьюэн рисует судьбу представителя «поколения бейби-бумеров» (по терминологии Н. Хоу и У. Штрауса)², то есть послевоенного поколения людей, родившихся между 1943 и 1960 гг. совершивших «современную “революцию сознания”», по мнению социологов [Strauss, Howe 1991: 298]. Это поколение, которому, по словам писателя, вложенным в сознание героя, «посчастливилось возлежать на ласковых коленях истории, упиваться удачным периодом мирного времени, съесть все лакомые кусочки» [Макьюэн 2024: 122]³; людям этого поколения, читаем в романе, «было привычно задумываться об опасностях, с которыми они не столкнутся в жизни» (122)⁴. Они были настолько изнежены и избалованы историей, что привыкли надеяться на счастливый случай. Так, весьма символично, что самой понравившейся герою романа, по сюжету побывавшему на концерте американского поэта и певца Боба Дилана, стала песня с символическим названием – «Поворот судьбы» (*Simple Twist of Fate*) (см. [Макьюэн 2024: 202; McEwan 2022: 214]). Хотя размышления Уильяма Штрауса и Нила Хоу базировались на анализе судеб американцев, тем не менее, общие англо-саксонские корни дают серьезные основания для их применения в отношении британцев. Так, ученые полагали, что «бейби-бумеры» – это поколение идеалистов, постоянно находящихся в поиске себя, «путешествующих вглубь себя», «сосредоточенных на себе», «погруженных в себя», создавших целую «культуру самолюбования» и «потакания своим желаниям», наделенных «смесью высокой самооценки» и «перфекционистских порывов» и являющихся «больше философами, чем учеными» [Strauss, Howe 1991: 300, 302, 303, 304].

В образе и судьбе центрального персонажа романа И. Макьюэна, который сам – представитель этого поколения, благодаря чему в романе есть и автобиографические моменты, о которых писали критики [Allard 2022], [Charles 2022], [Gordon 2022], [Massie 2022], действительно можно увидеть все те характеристики, которые обозначили Хоу и Штраус. Более того, они становятся ядром характера героя, сюжетно испытуемого в том числе внешними историческими обстоятельствами: событиями, происходившими в мире в 1950–2020-е гг., «пропущенными» через аксиологию героя, который при этом рисуется как человек, волею обстоятельств (конечно, сконструированных автором) с годами все более и более смотрящий на них со стороны, все более замыкающийся в своем личном опыте, неизбежно дозировано «впускающий» в свои мысли события большой истории. Причем эта «доза» и характер внутренней адаптации мировых событий с годами меняется и напрямую связаны со взрослением Роланда Бейнса, то есть с естественным в этом отношении расширении и углублении взгляда на жизнь и на те «уроки», которые жизнь (в том числе и «большая история») преподает ему, как и всему его поколению. Причем эти «уроки» тем более травматичны, поскольку, по Макьюэну, поколению бейби-бумеров выпало жить «на процветающем Западе после массовых кровопролитий двух мировых войн <...>, не зная, что такое смерть» и это «стало странной привилегией и одновременно ахиллесовой пятой защищенного поколения» [Макьюэн 2024: 324–325]⁵. Ведь не случайно так настойчиво в романе звучит и тема отцов и детей: полное противостояние Алисы, состоявшейся писательницы, и ее матери Джейн, несостоявшейся писательницы, героического отца героя Роберта, сражавшегося и раненого на Второй мировой войне, и Роланда, практически ничего, кроме счастливого отцовства и долголетия (но, с другой стороны, разве этого мало, спрашивает читателя в конце писатель?) не достигшего, единственным героическим поступком которого была контрабандная перевозка в ГДР запрещенных там книг Оруэлла и Хаксли и пластиинок с «чуждой социализму» рок-музыкой популярных в то время на Западе групп. Да и то практически обесцененным его восточнонемецкими друзьями, через пару десятков лет после падения Берлинской стены разочаровавшимися в западном образе жизни, а главное – в ценностях, этой жизнью руководящих.

«Упражнения» видятся, говоря языком М. М. Бахтина, одновременно романом воспитания и романом становления, но – «негероического героя» (используем определение, данное этому романному герою известным британским литературным критиком Аланом Мейси) [Massie 2022]). Используя бахтинскую терминологию дальше, скажем,

что перед нами – сложное переплетение героя «готового» и «становящегося», особенно если иметь в виду ту начальную часть романа, где память оставленного с младенцем-сыном Роланда погружается в плюсквамперфект его предшествующей этому моменту жизни и где повествовательно сложно подаются размышления этого «почти готового героя» над своим «становлением» с десяти лет до этого потрясшего его момента. Погружение в травмированный поступком Алисы внутренний мир Роланда повествовательно организовано, как уже отмечалось, при помощи несобственно-прямой речи, которая соединяет два голоса: героя и рассказчика (в данном случае автора), что позволяет здесь и далее функционировать в художественном целом романа двойной аксиологии: самого героя – по поводу тех ценностей, что руководили им на разных этапах жизни, и авторской, в основном иронической, очевидной в контрасте между возможностями, которые жизнь открывала перед героем, и той судьбою, которая у него в итоге сложилась. М. М. Бахтин, как известно, ставил становление героя в реалистическом литературном произведении в зависимость от степени освоения реального исторического времени; именно здесь видится ученому момент, когда «создается судьба человека, создается вместе с нею и он сам», «судьба сливается со становлением самого человека» [Бахтин 1986: 213]. Здесь особенно важно взаимодействие времени исторического и времени биографического, то есть жизни и судьбы; вновь вспомним М. М. Бахтина, для которого историческое время – это время в границах конкретных исторических событий, а биографическое время – неотъемлемый фактор создания «образа человека, проходящего свой жизненный путь» [Бахтин 1975: 281].

В анализируемом романе особенность такого взаимодействия связана с тем, что в нем вместо необходимого для романа становления момента, когда образ становящегося человека «начинает преодолевать свой приватный характер» и «выходит в совершенно иную, просторную сферу исторического бытия» [Бахтин 1975: 281], точкой отсчета романного времени в «Упражнениях» становится обратное: Роланд, к началу повествования и без того растративший многие свои таланты, полностью погружается в частное существование отца-одиночки, будучи вместе с семимесячным сыном брошен женою, которая увидела в материнстве и супружестве преграду ее писательскому таланту. Роланд практически не выходит за рамки своего приватного бытия, а историческое время оказывается параллелью этому частному бытию, параллелью, которая подчеркивает масштабность мировых событий и немасштабность частной жизни героя-непобедителя, но, как показывает аксиологически

весма неоднозначный финал романа, и не тотального неудачника. Перед нами *everyman*, который не убегает от своей обычности и даже заурядности, а наоборот движется навстречу им, поначалу воспринимая их – по традиции юношеского максимализма и в связи с не по возрасту затянувшимся поиском себя – как потери самобытности и «героичности» (т.е. выделенности из массы), а затем смиряется с ними, а в конце даже торжествует над теми, кто выделялся и шел вверх по шкале успешности, которая в конечном счете оказывалась шкалой потери чувства семьи, родного очага, душевного – семейного и родственного прежде всего – тепла. Это становится особенно очевидным в противопоставлении (особенно в конце произведения) характеров и романых судеб Роланда и Дафны Маунт, его второй жены, с одной стороны, и Алисы Эберхардт и первого мужа Дафны Питера Маунта (прототипами которого критики называют сразу Бориса Джонсона и Дональда Трампа), с другой. Перед нами крайне сложная и неоднозначная диалектика успеха и поражения, счастья и несчастья, любви и даже не ненависти, а равнодушия, героического и обычного.

Какого типа «становление» в «Упражнениях»? Тут уместно вспомнить слова героя романа Е. Водолазкина «Авиатор» – Иннокентия Платонова, о том, что события «не составляют часть человека – наоборот, человек становится их частью. Он в них *попадает*, как попадают под поезд, а там уж смотри, что от тебя останется (цит. по: [Васильева, Куричая 2023: 123]). В «Упражнениях» именно это и происходит с главным персонажем. А потому один из центральных вопросов, ответ на который – едва ли не весь сюжет романа: что от героя, образно выражаясь, осталось после этого «попадания под поезд событий».

Нет сомнений, это эпически развернутое повествование являет собою тем более полижанровую структуру, чем дальше по жизни героя движется повествование: «Упражнения» – это и *Bildungsroman*, и роман испытаний, и роман становления героя – представителя поколения, и оригинально поданная исповедь героя, борющегося в том числе и с по-жизненными последствиями двух травм: совращением в четырнадцатилетнем возрасте учительницей музыки и через четверть века уходом жены. Подчеркнем, что, подавая, оформленную при помощи несобственно прямой речи исповедь героя, автор синтезирует историческое время и биографическое время вымышенного героя, соединяя их рефлексирующей реакцией Роланда и «не выпуская читателя из внутреннего «я» героя. Это, по мнению исследователей, является серьезным основанием, как уже говорилось, видеть в романistique Макьюэна черты метамодернизма (постпостмодернизма) (см. [Хабибуллина 2023]). А по-

ток оценок героем самого себя на разных этапах жизненного пути составляет основу сюжетно-повествовательной парадигмы романа и одновременно максимально отражает «ритм, настроения и уязвимые места своего времени» [Климова 2023: 990]. Наверное, необходимо уточнить последнее и добавить: своего поколения. Именно поэтому Макьюэн предпосыпает роману эпиграф из «Поминок по Финнегану» Дж.Джойса: «First we feel. Then we fall»⁶. Принципиально это собирательное «we» («мы»): герой, его создатель, их поколение. Герой этого романа действительно в начале жизненного пути был очень чувствителен к музыке, поэзии, слову, в целом к возможностям, которые мир ему открывал в этих областях. Однако ни одно из «чувств», т.е. ни один из его талантов не получил развития, и герой действительно может быть воспринят, следуя логике эпиграфа, «павшим в битве с жизнью». Да и роман, из которого выбран эпиграф, носит весьма неоптимистическое название. Более того, произведение начинается с двух катастроф: личной – побег жены, и мировой – Чернобыль, и, по сути, заканчивается еще одной общемировой катастрофой – пандемией ковида. Эти «границы» оттеняют историю жизни героя, провоцируя читателя на восприятие Роланда неудачником, но ни в коей степени не снижают степень искренности главного персонажа, граничащей, как это бывает у Макьюэна, с эпатирующей откровенностью. В этом романе мы сталкиваемся с тем, что в свое время Н. Т. Рымарь назвал ведущей характеристикой лирического романа (и романа, содержащего основательную лирическую составляющую): «Правда субъективного восприятия оказывается гарантом искренности...» [Рымарь 1985: 118], и потому читатель увлечен героем и симпатизирует ему. Согласимся с одним из критиков, назвавшим роман «порою неуютным, волнительным и невероятно человечным» [www.livelib]. Герой весьма критичен по отношению к себе, называя себя «не слишком гениальным мужем» [Макьюэн 2024: 88]⁷, полагая, что «он по-дурацки управлял собственной жизнью» [Макьюэн 2024: 347]⁸, обвиняя себя в недостатке мужества («Мужество. Старомодное понятие. Оно у него имелось?» [Макьюэн 2024: 123]⁹), соглашаясь с Дафной, которая, в очередной раз пытаясь взводрить Роланда, упрекает его в том, что он «жил как студент, как депрессивный студент» [Макьюэн 2024: 238]¹⁰, примиряясь с тем, что не приняли к публикации его стихи и называя это «очередной несложившейся карьерой в его длинном списке неудач» [Макьюэн 2024: 233], итожа свой жизненный путь весьма поколенчески показательным образом: «Как же легко было плыть по течению *невыбранной жизни* (выд. мною. – Б.П.) сквозь чедру своих реакций на внешние события (347)¹¹. Его самокритика еще более обостряется, когда он сравнивает себя и свою жизнь не только с

трудной жизнью родителей, но и с жизнью тех, кто вынужден был существовать в условиях тоталитарных режимов и подавления свободы человека. Так, всегдашим укором его комфорtnому существованию становится подвиг мюнхенских студентов-подпольщиков времен нацистской Германии, участников разгромленной гестапо группы «Белая роза» (1943 г.), о которых он узнает от Джейн, матери Алисы, когда-то начинающей и многообещающей, но так и не состоявшейся писательницы, что стало ее жизненной травмой. Не менее самокритичен Роланд и тогда, когда, гуляя по восточному Берлину 9 ноября 1989 г., в день падения Берлинской стены, натыкается на разгромленную штаб-квартиру Штази, тайной полиции и контрразведки ГДР, и размышляет: «Его “камера” с белым кафельным полом – упражнения на фортельяно, преждевременная любовная связь, отсутствие образования, отсутствие жены – по сравнению с этими гестаповскими застенками была номером-люкс в роскошном отеле. Если его жизнь до сих пор была полной неудачей, как ему часто казалось, она могла считаться таковой лишь на фоне грандиозных событий истории» [Макьюэн 2024: 261]¹². И все же, Роланд еще раз итожит: «Он шагал и думал, что за исключением воспитания ребенка все остальное в его жизни было и оставалось аморфным, и он не видел, как это можно изменить» [Макьюэн 2024: 347]¹³.

«“Герой – неудачник – антигерой”: не эту ли триаду выстраивает автор?» – задаем мы себе вопрос по мере чтения произведения. В одной из литературоведческих хрестоматий читаем: «Антигерой – это человек, который наделен склонностью к неудачам. Антигерой некомпетентен, неудачлив, беспактен, неуклюж, глуп и смешон» [Тамарченко 2001: 248]. И понимаем, что Роланд Бейнс – это отчасти и антигерой, но и герой тоже, при этом – не только в чисто литературоведческом смысле. В последнем, т.е. с точки зрения образа Роланда как центрального персонажа, он герой, который «содержит в себе все возможности развития» [Климова 2023: 991]. Однако сюжетно он подается как персонаж, эти возможности не реализовавший в той степени, в какой и ему самому хотелось бы; именно это ложится в основу психологической доминанты характера как символа всего послевоенного поколения, которому не пришлось жить в условиях, ставящих под вопрос само физическое существование и не обязательно требующих проявления мощного характера и силы воли, а главное – жажды жить и радоваться жизни. И все же в определенной степени, особенно к концу романа, Роланд – герой и в прямом значении слова, поскольку, не состоявшись как пианист и поэт, не раз демонстрируя свою неуклюжесть и неудачливость, леность и пассивность, казалось бы проигравший жизненное соревнование ко-

гда-то бросившей его и сына Алисе, вставшей в ряд с классиками мировой литературы XX в. и претендующей на Нобелевскую премию по литературе, но одиноко умирающей от диабета в доме на окраине далекой баварской деревни, и Питеру Маунту, ставшему видным политиком-консерватором и министром, но презираемым многими (и даже не по политическим причинам), он, в отличие от них, добился, по Макьюэну, гораздо более ценного итога жизни – любви близких: своего сына Лоренса, Дафны, ушедшей к нему от Питера, детей Дафны, считающих его более своим настоящим отцом, чем Питера, наконец, внучки Стефани, трогательными и лиричными, совершенно лишенными иронии, что удивительно для Макьюэна, сценами с которой заканчивается роман. Почти в finale романа читаем во многом итоговые одновременно автора и его героя: «...мир кое-как продолжал вращаться вокруг своей оси, подчиняясь воле некомпетентных и не знатных стыда правителей <...> истина не получала общей поддержки. Множились новейшие виды ядерного оружия, которое контролировалось пугливым искусственным интеллектом, в то время как жизненно важные природные системы, в том числе воздушные потоки, океанские течения и опыляющие растения насекомые, подводные коралловые рифы и естественные движения плодородных пластов почвы, равно как и многообразные виды флоры и фауны, постепенно чахли или исчезали. Обширные части мира гибли в пожарах или в наводнениях. Но одновременно, наслаждаясь старомодным теплом семейного очага, ценимым еще больше из-за недавних утрат, он испытывал счастье, которое у него не могли отнять даже грозные катастрофы большого мира. Они казались бессмысленными» [Макьюэн 2024: 504]¹⁴.

Еще раз подводя итог, отметим, «Упражнения» – это роман, в котором, по Н. Т. Рымарю, в центре «оказывается не событие самой жизни, а события его переживания и осмысления с разных сторон, событие выработки новых ценностей», «обретение нового личностного сознания» [Рымарь 1985: 119, 125]. В этом романе Макьюэн принципиально приводит Роланда практически к триумфальному воплощению семейных ценностей, казалось бы, проигрывающих своей приватностью на фоне масштабных и судьбоносных катализмов и испытаний человечества, более-менее успешно им пройденных; да и конечный обладатель этих ценностей и этого личностного сознания в конце романа полагает, что «он ни черта не выучил в жизни и теперь уже не выучит». Но от этого он не вовсе даже не сокрушается, а наоборот, вдруг почувствовал «себя на миг полностью свободным» [Макьюэн 2024: 539], а потому с радостью отвечает на призыв внучки: «Идем, дедушка. Сюда» [Макьюэн

2024: 540]. И такая концовка – это оптимистическое и нацеленное в счастливое будущее многоточие.

Примечание

¹ solipsistic disassociated methods [McEwan 2022: 285].

² В этом проблемно-тематическом аспекте роман И. Макьюэна уже рассматривался в нашей англистике: см [Любееva 2025].

³ His generation was also more fortunate than the one that followed. His lot lolled on history's aproned lap, nestling in a little fold of time, eating all the cream [McEwan 2022: 128].

⁴ It was common enough for Roland and his cohort as they turned adult in England to wonder at the dangers they never had to face [McEwan 2022: 128].

⁵ to live without death became the peculiar privilege and vulnerability of a protected generation [McEwan 2022: 337].

⁶ В русском переводе, как думается, дан не совсем корректный перевод этой фразы из романа Джойса: «Сначала мы осязаем. Потом мы опадаем» [Макьюэн 2024: 5].

⁷ a less than brilliant husband [McEwan 2022: 92].

⁸ In the management of his life he was foolish [McEwan 2022: 360].

⁹ Courage. An old-fashioned concept. Did he have it? [McEwan 2022: 129].

¹⁰ Roland, she said, was still living like a student, a depressed student [McEwan 2022: 247].

¹¹ How easy it was to drift through an unchosen life, in a succession of reactions to events [McEwan 2024: 361].

¹² His white-tiled cell—a piano lesson, a premature love affair, a missed education, a missing wife—was by comparison a luxury suite. If his life so far was a failure, as he often thought, it was in the face of history's largesse. [McEwan 2022: 271].

¹³ ...apart from raising a child, all else in his life had been and remained formless and he could not see how to change it [McEwan 2022: 361].

¹⁴ the world was wobbling badly on its axis, ruled in too many places by shameless ignorant men, while freedom of expression was in retreat and digital public spaces resounded with the shouts of delirious masses. Truth had no consensus. New nuclear weapons multiplied, commanded by hair-trigger artificial intelligence, while vital natural systems, including jet streams, ocean currents as well as pollinating insects, submarine cliffs of coral and the biological churn of rich natural soils and all manner of diverse flora and fauna—wilting or becoming extinct. Parts of the world were burning or drowning. Simultaneously, in the old-fashioned glow of close family, made more radiant by recent deprivation, he experienced happiness that could not be dispelled, even by rehearsing every looming disaster in the world. It made no sense [McEwan 2022: 524].

Список литературы

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.
- Васильева Е. В., Курячая М. Ю. Особенности восприятия исторического времени в романе Е. Водолазкина «Авиатор» // Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук и методики их преподавания. Материалы Всероссийского научно-практического форума. Воронеж: Воронежский гос. пед. ун-т, 2023. С.122–124.
- Джусмайло О. А. Герой своего времени, герой вне времени или герой на все времена – qui pro quo? // Новое прошлое. The New Past. 2019. № 1. С. 192–205.
- Климова Т. Ю. «Дезориентированный индивид», или «Герой своего времени» в литературе конца XX в. // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Вып.4. С. 989–995.
- Литвиненко Н. А. Положительный герой в литературе – исчезнувшие и новые горизонты // Вестник университета Российской академии образования. 2016. № 1. С. 27–34.
- Любееева С. В. Репрезентация поколения бумеров в романе Й. Макьюэна «Упражнения» // Три «л» в парадигме современного гуманитарного знания: лингвистика, литературоведение, лингводидактика. М.: Языки народов мира, 2025. С.145–152.
- Макьюэн И. Уроки / пер.с англ. О. Алякринского. М.: Эксмо, 2024. 544 с.
- Потанина Н. Л. Метаморфозы исторического дискурса в романе И. Макьюэна «Машины как я» // Исторический дискурс в зарубежной литературе. Материалы международной научной конференции XXXVI Пуришевские чтения. М.: МПГУ, 2024. С. 352–362.
- Рымарев Н. Т. Этико-эстетическая задача и особенности поэтики реалистического романа XX века на Западе // Проблемы метода и поэтики в зарубежных литературах XIX–XX веков. Межвузовский сб. научных трудов. Пермь: Пермский ун-т, 1985. С. 114–125.
- Соловьев Н. А. Модернизм в Великобритании // История зарубежной литературы XX века. Учебник / Под ред. Л.Г. Андреева. М.: Высшая школа, 1996. С. 293–315.
- Тамарченко Н. Д. (ред.) Теоретическая поэтика: понятия и определения. Хрестоматия. М.: РГГУ, 2001. 467 с.
- Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону власти, знания и сексуальности. Работы разных лет. Пер. с франц. С. Табачниковой. М.: Кастанъ, 1996. С. 49–96.
- Хабибуллина Л.Ф. Метамодернизм в романе И. Макьюэна «Невыносимая любовь» («Enduring Love», 1996) // Практики и интерпретации. 2023. Т.8 (1). С. 96–107.
- Allard L. Ian McEwan on Ageing, Legacy and the Attack on His Friend Salman Rushdie // The Guardian. 2022. September, 3. URL: <https://www.theguardian.com/books/2022/sep/03/ian-mcewan-on-ageing-legacy-the-attack-on-salman-rushdie-beyond-edge-of-human-cruelty> (last accessed: 05.09.2025).

Charles R. Sexual Abuse Casts a Long Shadow in Ian McEwan's 'Lessons' // The Washington Post. September, 20, 2022. URL: <https://www.washingtonpost.com/books/2022/09/20/ian-mcewan-lessons-review/> (last accessed: 03.09.2025).

Gordon E. Events and Accident: complexity and depth in Ian McEwan's sweeping new novel of a baby-boomer life // The Times Literary Supplement. September, 9, 2022. URL: <https://avxhome.se/magazines/The-Times-Literary-Supplement-09-September-2022-28054123.html> (last accessed: 23.09.2025).

Lessons: Review. URL: <https://www.livelib.ru/review/4563707-lessons> (last accessed: 22.09.2025).

Massie A. 'Lessons' by Ian McEwan // The Scotsman. September, 1. 2022. URL: <https://www.scotsman.com/arts-and-culture/books/book-review-lessons-by-ian-mcewan-3827931> (last accessed: 03.09.2025).

McEwan I. Lessons. New York: Alfred A. Knopf, 2022 URL: <https://oceanofpdf.com/authors/ian-mcewan/pdf-epub-lessons-by-ian-mcewan-download-59399491115/> (last accessed: 03.09.2025).

Strauss W.; Howe N. Generations: the History of America's Future, 1584 – 2069. New York: Morrow, 1991. 538 p.

«THE NON-HEROIC HERO» IN IAN MCEWAN'S NOVEL *LESSONS*: the Dialectics of Success and Failure?

Boris M. Proskurnin

Doctor of Philology, Professor in the Department of World Literature and Culture
Perm State University,
614068, Russia, Perm, Bukirev str., 15
bproskurnin@yandex.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5077-1650>
Submitted 10.11.2025

The article analyzes Ian McEwan's novel *Lessons* (2022) from the perspective of the hero's problem. It is interpreted as a genre synthesis of the novel of biography, the novel of education (Bildungsroman), the novel of ordeal, and the novel-lyrical confession of the hero, a representative of the British post-war generation, presented through indirect speech, which allows the reader to be simultaneously immersed in the process of self-discovery and self-assessment of the hero, while maintaining the author's ironic distance. The article demonstrates how the writer intertwines biographical time, the private time of the hero, and historical time, the epoch-making breath of the XX century. It shows how the author uses the plot and narrative to demonstrate the dialectic of the heroic and the non-heroic as one of the fundamental characteristics of the life and fate of the post-war generation.

Key words: literary character, modern British novel, Ian McEwan, biographical time, historical time.

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Прокурнин Б. М. «Негероический герой» в романе Иэна Макьюэна «Упражнения»: диалектика успеха и поражения? // Мировая литература в контексте культуры. 2025. № 21 (27). С. 48–60.

doi 10.17072/2304-909X-2025-21-48-60

Please cite this article in English as:

Proskurnin B. M. «Negeroicheskiy geroy» v romane Iena Makyuena «Uprazhneniya»: dialektika uspekha i porazheniya? [“The Non-heroic Hero” in Ian McEwan’s Novel *Lessons: the Dialectics of Success and Failure?*]. *Mirovaya literatura v kontekste kultury* [World Literature in the Context of Culture]. 2025, issue 21 (27), pp. 48–60.

doi 10.17072/2304-909X-2025-21-48-60